

Характер предикаций эргативного гипотаксиса с придаточными обстоятельственным времени

Тариева Лилия Увайсовна, д. филол. н., профессор кафедры русского языка
Ингушский государственный университет, г. Магас

Аннотация. Предметом исследования в статье являются части сложноподчиненного предложения, которые соединены между собой мотивированным союзным словом. Производный союз может объединять гомогенные или гетерогенные конструкции в составе сложноподчиненного предложения. Неоднородность предикаций в эргативном языке обусловлена глаголами-сказуемыми различных корпусов (номинативных, эргативных, аффективных), кодирующих в качестве магистральной валентности одно из лиц парадигмы нахского языка. Лицо парадигмы (Говорящее, Произносящее, Созерцающее, Слышащее), представлено личным местоимением первого лица ед. числа (со 'я', аз 'я', сона 'я').

Ключевые слова: союзное слово, синтетичность, номинативная конструкция, эргативная конструкция, аффективная конструкция, препозиция, постпозиция.

Character of predictions of the ergative Ingush hypotaxis with adverbial clauses

Tarieva Liliya Uvaysovna
Ingush State University

Annotation. The subject of the study in the article is the parts of the compound sentences, that are connected to each other with motivated conjunction word. Derivative conjunctions can combine homogeneous or heterogeneous structures as a part of a compound sentence. The heterogeneity of predications in an ergative language is caused by predicate verbs of different corpora (nominative, ergative, affective) that encode one of the faces of the nakh language paradigm as the main valence. The face of paradigm (Speaking, Pronouncing, Beholding, Hearing) represented by the personal pronoun of the first person singular.

Keywords: conjunction word, synthetics, nominative construction, ergative construction, affective construction, preposition, postposition.

DOI: 10.5281/zenodo.3888130

Введение.

В эргативных языках специфика представления предикативного центра элементарного предложения отлична от экспонации грамматической основы предложений номинативных языков. Проблема заключается в том, что в эргативном языке синхронно функциональна парадигма лица (со 'я', аз 'я', сона 'я'), состоящая из двух речевых (лицо Говорящее и лицо Произносящее) и двух аффективных (лицо Созерцающее и лицо Слышащее) эгоцентриков [9, с. 52], прототипически закодированных в глаголах трех основных корпусов ингушского языка. Каждое из лиц парадигмы претендует на позицию подлежащего в составе предложения. Сравните конструкции:

1. Сона (AFF) зу, со (NOM) лув ' Я вижу, что я артикулирую' (т.е. говорю).

2. Сона (AFF) хоз, аз (ERG) оал ' Я слышу, что я произношу'.

3. Сона (AFF) хов, сона (AFF) зу ' Я знаю, что я вижу'.

4. Сона (AFF) хов, сона (AFF) хоз ' Я знаю, что я слышу'.

Иллюстрации показывают, что в эргативном нахском языке два речевых лица морфосинтаксически представлены различными падежами имени. Лицо Говорящее (вторая часть примера 1), обладающее статусом первого лица, стоит в форме личного место-

имения единственного числа в именительном падеже, как и в номинативных языках. Однако в эргативных языках наличествует еще и лицо Произносящее, также обладающее статусом первого лица единственного числа. Морфосинтаксически лицо Произносящее представлено личным местоимением в эргативной форме имени (вторая часть примера 2), выполняющим функцию подлежащего. Произносящим эргативное полифункциональное лицо названо в связи с тем, что прототипически оно обнаруживается в языке в функции акустического наполнения речения [9, с. 167].

Для эргативного ингушского языка характерно и третье первое лицо – аффективное: Созерцающее и / или Слышащее, морфосинтаксически оба лица выражены одним общим аффективным падежом имени (первая часть примеров 1–4). Претензия аффективных эгоцентриков на статус первого лица обусловлена тем, что в дистинкции собственного со 'эго' они обнаруживают два речевых лица (Созерцающее «видит» лицо Говорящее, лицо Слышащее распознает лицо Произносящее). Два лица, представляющие чувственную ипостась речедеятеля, функционируют в структуре данного нахского языка в одной аффективной форме имени, так как оба лица являются операторами одной общей для них глубинной понятийной категории хоалу саг ' homo sentiens', т.е. человека

чувствующего'. Поэтому аффективное лицо и претендуют на функцию подлежащего в составе ингушского предложения:

5. *Сона (AFF) хоалу, сона (AFF) зу* ' Я чувствую, что я вижу'

6. *Сона (AFF) хоалу, сона (AFF) хоз* ' Я чувствую, что я слышу'

Как следует из приведенных примеров (1-6) чувственная ипостась лица речедеятеля в структуре эргативного языка экспонирована аффективной формой имени, равно как и модальная, генерированная, прежде всего на основе чувственного восприятия.

Для нас интерес представляют компоненты парадигмы лица, функционирующие в гипотаксическом контексте.

Актуальность темы. Актуальность избранной темы заключается в том, что синхронно функция компонентов парадигмы лица ингушского языка не исследована с точки зрения нахского гипотаксиса с временными отношениями. [2; 7; 11]. Пласт союзных слов нахского ингушского языка (*массаза* и др.), использующийся в организации сложноподчиненного предложения, выражающего временные отношения, с деривационной точки зрения и его позиции в составе сложной конструкции до сих не рассматривался ингушеведами [1; 3; 5; 8; 11].

Научная новизна проблемы состоит в исследовании способа функционирования трех ингушских личных местоимений первого лица ед. числа, т.е. трех *я 'эго' (со 'я', аз 'я', сона 'я)* в составе предикаций гипотаксиса с обстоятельственным придаточным времени, присоединяемым к главному предложению посредством союзного слова с временным значением *масаза 'каждый раз когда'*. Данный союз, возникший на основе лексического значения наречия *массаза 'всегда'*, исторически образовавшегося соположением элементов синтетического строя языка (*мас 'сколь' са 'мое' аз 'я' а 'в пространстве'*), обладает фиксированной позицией в составе предложения.

Цель статьи состоит в интерпретации эгоцентриков парадигмы лица (соотнесенных со строго определенной понятийной категорией), прототипически представляющих именной компонент предикации в составе частей сложноподчиненной конструкции.

В пределах сложноподчиненных конструкций функция лиц парадигмы (*со 'я', аз 'я', сона 'я'*), закодированных в семантической структуре различных ингушских глаголов на правах магистральной валентности, неоднозначна.

Предикация главной и зависимой частей сложноподчиненного предложения состоит из глаголов различных корпусов, три из которых (номинативные, эргативные, аффективные), кодирующие имя в одноименном падеже (номинативное *со 'я'*, эргативное *аз 'я'*, аффективное *сона 'я'*), относятся к основным [9, с. 116-122, 135, 166-168, 180, 304]. Три основные формы именных компонентов предикаций функционируют в составе гипотаксиса с придаточным обстоятельством времени, части которого связаны посредством союзного слова, например, *массаза 'как только, каждый раз когда'*.

Исторически наречие с временной семантикой *массаза 'всегда'*, благодаря своему лексическому

значению, транспонировалось в область служебной части речи: в союзное слово *массаза* с темпоральным значением 'когда':

7. *Догла (NOM) массаза делх, 1ам NOM()* *отт цен йисте* ' Каждый раз когда идет дождь, возле дома образуется лужа'.

Адвербиальная лексема *массаза 'всегда'*, явившаяся базой для генерации союзного слова *массаза 'когда'*, связана и с возникновением омонимичного союзному слову вопросительного местоимения *массаза* со значением «сколько»:

8. *Массаза беша воал дади (NOM)* ' Дедушка **всегда** возится в огороде'.

9. *Массаза аьннад аз (ERG) хьозга?* ' **Сколько раз** говорил я тебе'.

10. *Аз (ERG) х1ама массаза кийчью, циск (NOM) юхе 1охов* ' Когда я готовлю еду, кошка садится рядом'.

В процессе исторического развития ингушского языка четыре неизменяемых лексемы (инг. *массаза = мас 'сколь' -са 'мое' -аз 'я' -а 'в пространстве'*), сложились по способу «примыкание» в единое слово *массаза 'всегда'*. Коннотативные процессы способствовали обрастанию некогда синтетического отрезка (инг. *масс-са-аз-а 'сколь мое аз 'я' в пространстве'*) новыми смыслами, транспонированными их и в вопросительное местоимение со значением меры и степени: *сколько, сколько раз*. Которое из этих двух слов (*массаза 'всегда'* или *массаза 'сколько'*) связано с генерацией служебного союзного слова *массаза 'всякий раз когда'*, должен показать анализ семантико-синтаксической роли союзных слов в составе элементарного и / или сложного ингушского предложения.

Признак синтетичности, на основе которого возникло наречие *массаза (мас 'сколь', са 'мое', аз 'я', а 'в пространстве')* остается настолько сильным, что в современном ингушском языке держит вопросительное местоимение *массаза* с семантикой меры и степени и союзное слово *массаза 'когда'* привязанным к глаголу в позиции слева от него:

11. *Сога (LOK) машен хьа массаза кхоач, даьга лу аз (ERG) из (ABC)* ' Когда ко мне попадает машина, я даю ее отцу'.

12. *Сона (AFF) машен хьа массаза кхоач, йохк аз (ERG) из (ABC)* ' Как только мне достается машина, я ее продаю'.

13. *Сога (LOK) даьна г1улакх (ABS) массаза дулу, г1адьйода нана (NOM)* ' Всякий раз, когда у меня получается помочь отцу, мать радуется'.

Кумуляция данным синтетически устроенным отрезком речи темпорального значения естественно, так как содержание наречия *массаза 'всегда'*, исторически образованного в результате свертывания сегмента речи (*мас са аз а ' сколько мое аз 'эго' в пространстве'*) по принципу «примыкание» в единое слово, на основе которого возникло союзное слово *массаза* со значением 'когда', указывает на логичность генерации темпоральности в новом, образованном слове-союзе. Сравните конструкции:

14. *Со (NOM) массаза ц1агла ва* ' Я всегда дома' и

15. *Со (NOM) ц1агла массаза хул, догла (NOM) доагла вайна* ' Когда я оказываюсь дома, идет дождь (нам)'.

Наречие *массаза* ' всегда' (пример 14) позиционно может располагаться на дистанции от глагола: в препозиции или в постпозиции по отношению к нему, между ним и глаголом возможно вставить слово, в то время как союзное слово *массаза* ' когда' (пример 15) непосредственно прикреплено к глаголу слева.

Эргативное лицо (*аз* ' я') vs. номинативному лицу (*со* ' я'), представляющее, согласно концепции Л.У. Тариевой, на разных уровнях структуры ингушского языка *сакхета саг* ' homo spiritus' [9, с. 295], наряду с синтетически склеенными с ним в прошлом отрезками речи, выполнявшими функцию конфиксов (*масса-аз-а* ' сколько аз ' я' эго в пространстве'), демонстрирует семантику продолжительности пребывания *аз* ' эго' во времени (*массаза* ' сколько **аз** ' я' в пространстве'), естественно генерировавшую и категорию *масса* ' сколько', или *массаза* ' сколько раз'. Сравните конструкции:

16. *Массаза во!ах лавца саготду нане* ' Бабушка **всегда** переживает за сына' (букв. ' Сколько мое я в пространстве бабушка переживает за сына').

17. *Масса сахъат (НОМ) даьннад?* ' Сколько времени прошло?' (букв. в инг. **Мас са сахъат даьннад** ' **Сколько моего** времени прошло?').

18. *Массаза ала деза хьога?* ' Сколько раз тебе надо сказать' (букв. инг. *Мас са аз а ала деза хьога* ' **Сколько мое я в пространстве** надо тебе говорить').

В иллюстрации (пример 16) наречие *массаза* ' всегда', возникшее из сегмента речи (*мас са аз а* ' сколько мое я в пространстве'), в составе предложения логично выполняет функцию обстоятельства времени, судя по содержанию его составляющих. В следующем предложении (пример 17, 18) местоимение *масса* (от *массаза*) употреблено в значении «мера и степень».

Грамматическая основа сложных конструкций с обстоятельственным придаточным темпоральной семантики, соединенным с главным посредством ингушского союзного слова *массаза*, может быть выражена однородными номинативными предикациями в главной и зависимой части:

19. *Тхо (НОМ) Башираца яхъашка массаза дода* (или *даха*), *котало а яьккхий, воаг!ар со (НОМ)* ' Каждый раз, когда мы с Баширом ездили на соревнования, я приезжал с победой (добыв победу)'.
Сложноподчиненное предложение (пример 19) состоит из двух частей, выраженных номинативными глаголами, в которых прототипически в качестве магистральной валентности закодировано лицо Говорящее.

Лицо Говорящее как речевой компонент парадигмы лица представляет в языке понятийную категорию *кхета саг* ' homo sapiens', выраженную в структуре эргативного ингушского языка именительным падежом имени, равно как и в структуре номинативных языков [9, с. 273].

Глагольные формы типа (*даха* ' пойти'), интерпретированные Л.Д. Мальсаговой [6], могут демонстрировать вторичные (синкретичные) смыслы, которые должны стать предметом специального исследования в ингушском нахском гипотаксисе, с точки зрения функции компонентов парадигмы лица.

Конструкции обеих частей ингушского сложно-подчиненного предложения могут состоять и из аффективных глаголов, порождая сложную аффективную конструкцию:

20. *Сона (AFF) керда иллеи хъа массаза хоз, цар йоазанхо вовз сона (AFF)* ' Как только я слышу новые песни, я узнаю их автора'.

21. *Даьна (AFF) йоткъам хъал массаза боал, нанна (AFF) хоалу из* ' Когда у отца поднимается давление, мать это чувствует'.

Части последних двух иллюстраций можно было бы квалифицировать как номинативные, как это предлагает сделать А.И. Халидов, ссылаясь на грамматическое представление номинативности [9, с. 467-470], если бы фреймово организованные каузативные процессы, вызывающие к жизни качества и свойства понятийной категории *хоалу саг* ' homo sentiens', т.е. человека чувствующего, представленного в структуре ингушского языка аффективным эгоцентриком, синхронно имели свое логическое завершение.

Главную часть гипотаксиса (пример 20) невозможно квалифицировать в качестве номинативной, так как глагол с эпистемическим *хов* ' знаю' (*довз* ' узнаю') статусом высказывания в нахском языке кодирует магистральной валентностью только эгоцентрика в аффективной форме имени (*сона* ' я'). Аффективный эгоцентрик, представляющий понятийную категорию *хоалу саг* ' homo sentiens' со знаком «постулат» в структуре ингушского языка, участвует в генерации *хов саг* ' homo sciens' с пометой «приобретенность» [9, с. 287-289, 304], и поэтому он претендует на подлежащую позицию в составе высказывания. Функцию подлежащего выполняет и эргативная форма имени, лингвоцентрически экспонирующая иную понятийную категорию:

22. *Аз (ERG) дои массаза оал, к!азо (ERG) ши лерг айду* ' Всякий раз, когда я произношу слово, щенок наостряет ушки'.

23. *Нанас (ERG) ак массаза оал, из футтарью дист!арго (ERG)* ' Каждый раз, когда мать скажет слово, ее передразнивает попугай'.

Главная и зависимая конструкции, присоединенные союзом *массаза*, состоят из однородных глаголов, создающих сложную эргативную конструкцию. Однородность сказуемых всех частей сложной конструкции (примеры 22-23) заключается в том, что их предикации организованы эргативными глаголами. В качестве первой валентности эти глаголы кодируют лицо Произносящее, прототипически обнаруживающее мыслительную категорию *сакхета саг* ' человека-духа' [9, с. 295, 321], на различных уровнях структуры ингушского языка представленную эргативной формой (*аз* ' я') личного местоимения первого лица единственного числа. Эгоцентрик лицо Произносящее, интерпретированный как языковая экспонация глубинной понятийной категории *сакхета саг* ' homo spiritus', понимается нами согласно концепции В. фон Гумбольдта, указывавшего на тесную связь языка и духа [4, с. 11].

Прототипически первой, т.е. в *origo* ' в начале' именно произносительная функция лица закрепляется за личным местоимением первого лица един-

ственного числа в эргативном падеже имени (сравните инг. *Со (NOM) лув ' Я говорю' vs. Аз (NOM) оал ' Я произношу'*) [9, с. 206].

В сложноподчиненном предложении с придаточным обстоятельственным времени возможен и разнородный состав предикаций, например, сочетание эргативной и номинативной зависимой конструкций:

24. *Аз (ERG) улгаи (ABS) массаза дул, циск (NOM) хьежа 1охов ' Каждый раз когда я мою пол, кошка садится ждать'.*

25. *Тахан, сийго (ERG) хоам массаза бу, со (NOM) Даьлага кхайк ' Сегодня, как только маяк подает сигнал, я взываю к Богу'.*

Или, напротив, сочетаться в сложноподчиненном предложении могут номинативная и эргативная зависимая конструкции:

26. *Со (NOM) лоамашка массаза вода, дарбан баьцовгаи (ABS) яхь аз (ERG) ' Каждый раз когда я еду в горы, я привожу лечебные травы'.*

27. *Бер (NOM) сома массаза доал, нанас (ERG) хьоаст из (ABS) ' Всякий раз, когда ребенок просыпается, мать ласкает его'.*

Аффективная конструкция ингушского языка может сочетаться с номинативной в рамках сложноподчиненного предложения с придаточным обстоятельственным времени:

28. *Со (NOM) ший яьккха чу массаза воагла, сона (AFF) дикадар хазац ' Когда я прихожу домой, получив двойку, я не слышу ничего хорошего'.*

29. *Клянка (AFF) селалад массаза гу, геттара гладвода из (NOM) ' Когда мальчик видит радугу, он очень радуется'.*

Ингушский гипотаксис включает и сочетание эргативной конструкции с аффективной в качестве главной и / или придаточной части:

30. *Нешас (ERG) зизаи массаза дахьа, сона (AFF) на1аргара цар хьаж хоалу ' Всякий раз, когда подруга приносит цветы, я ощущаю их запах с порога'.*

31. *Бера (AFF) байтаи массаза довз, цар ц1и йоакх цо (ERG) ' Когда ребенок узнает стихи, он говорит их название'.*

Сочетание номинативной и аффективной конструкций отображает взаимодействие свойств различных глубинных категорий:

32. *Нана (NOM) елалу, ше бера (AFF) массаза гу ' Мать улыбается, всякий раз когда ее видит ребенок'.*

33. *Сона (AFF) байтаи йиц1у, со (NOM) уж еша вола массаза лу ' Я забываю стихи всякий раз, когда начинаю их рассказывать'.*

Глагол *елалу* ' смеюсь' (первая часть примера 32) постулированной семантики, прототипически кодирующий лицо Говорящее, представляет в нахском языке понятийную *кхета саг* ' homo sapiens', т.е. человека разумного. Глагол *гу* ' вижу' (вторая часть примера 32) экспонирует также постулированное свойство, присущее глубинной мыслительной категории *хоалу саг* ' homo sentiens', т.е. человека чувствующему'.

Модально-временной план сложных конструкций с однородными или гетерогенными частями, кумулирующими предложения с различными глаголами, кодирующими компоненты парадигмы лица –

мало исследованная область языкового знания в эргативных языках. А.З. Гандалоева отмечает, что в подобном рода предложениях «*1аьта цу чура сказуеми латташ хул белгал соттамеи йолча ханеи латтача хандешаех ' сказуемое в нем обычно стоит в форме глагола настоящего времени изъявительного наклонения'*» [3, с. 174], т.е. в форме финитного глагола и одного из наклонений.

У однородных конструкций сложного предложения обычно совпадает модально-временной план. Если конструкция сложного предложения состоит из гомогенных частей (номинативные, эргативные или аффективные), то их модальная отнесенность экспонируется в контексте с компонентами парадигмы лица ингушского нахского языка [9, с. 117-118].

Следует иметь в виду, что сочетание номинативного и эргативного или номинативного и аффективного глаголов, кумулирует в ингушском языке различного рода сложное и / или составное глагольное сказуемое, в котором позиция лица парадигмы, закодированной в качестве магистральной валентности, «расшатывается», сравните конструкции:

34. *Со (NOM) ваха веза ишколе, хьехархочо (ERG) дай хьа массаза бех ' Я должен идти в школу каждый раз, когда учитель вызывает родителей'.*

35. *Са (POS) ваха веза ишколе, хьехархочо (ERG) дай хьа массаза бех ' Мне надо идти в школу каждый раз, когда учитель вызывает родителей'.*

Составное сказуемое, образованное сочетанием гетерогенных глаголов: номинативного и аффективного (пример 34), обуславливает возможность вариативности первой валентности (номинативного лица *со* ' я' или посессива *са* ' мне'). Та же картина наблюдается, если составное сказуемое накапливает эргативный и аффективный глаголы, сравните конструкции:

36. *Кхетаче (NOM) массаза хул, аз (ERG) ала деза дош? ' Когда бывает собрание, я должен говорить речь?' и*

37. *Кхетаче (NOM) массаза хул, са (POS) ала деза дош? ' Когда бывает собрание, мне надо говорить речь?'.*

Корелляция лиц (аффективное и посессив) возможна если составная предикация состоит из аффективных глаголов:

38. *Сона ха деза дахар-денар, дас ха массаза оал ' Я должен узнать информацию, как только отец скажет узнать'.*

39. *Са ха деза дахар-денар, дас ха массаза ала ' Мне надо узнать информацию, как только отец скажет узнать'.*

Компоненты парадигмы лица как константа функционирования предикации элементарного ингушского предложения с пометой «потулированная», синхронно коррелируют с локативным и посессивным лицом с пометой «приобретенность». Проблема соотношения различных типов ингушских глаголов, сильно зависящих от функции компонентов парадигмы лица, остается открытой, актуальной задачей синхронного языкознания. Исследование корреляции лиц парадигмы в составе простого и сложного предложений ингушского языка, наряду с релевантными составляющими других уровней структуры данного эргативного языка, на наш взгляд, поможет

выделить и изучить диалекты ингушского языка, по мере того, как они распространялись на плоскости.

Придаточное предложение с союзом *массаза* подвижно, как и сам союз по отношению к глаголу-сказуемому. Зависимое обстоятельственное времени может быть в препозиции по отношению к главному:

40. *Михо* (ERG) *ба1 массаза бодабу, ца1 теркал а бий, т1ехъаводар со* (NOM) 'Всякий раз, когда ветер гонял колючку, я сосредоточивал внимание на одной из них и бежал за ней'.

Зависимая часть может располагаться после главного предложения:

41. *Сигале* (NOM) *доглаца елхар, йо1о* (ERG) *ший бала 1окода массаза бу* 'Небо плакало дождем каждый раз, когда девушка исходила горем'.

Придаточное предложение со значением времени, присоединенное союзом *массаза*, обычно и в интерпозиции по отношению к главной конструкции:

42. *Ц1аккъа, шийна* (AFF) *маърий массаза гу, дог хайтанзар эскархочо* (ERG) 'Ни разу, когда бы он не видел супостата, воин не выдавал своих чувств'.

От союзных слов (инг. *массаза*, *алале*, *алалехъа*, *миел*), участвующих в организации сложноподчиненного предложения с придаточным темпоральной семантикой, следует отличать союзные средства переходного типа, в которых участвуют союзное слово, наряду с морфемно-автономным сочетанием, выполняющим функцию скрепы, сравните предложения:

43. *Вош* (NOM), *ше ца1 массаза воаг1ача хана, хъалха нани йолча водар* 'Брат, (сам) всякий раз приезжая домой когда, вначале шел к бабушке' с:

44. *Вош* (NOM), *ше ца1 массаза воаг1а, цкъа нани йолча водар* 'Брат, когда сам едет домой, вначале идет к бабушке' и

45. *Вош* (NOM), *ше ца1 мел воаг1ача хана, хъалха нани йолча водар из* (NOM) 'Брат, (сам) когда приезжая домой время, вначале шел к бабушке' с:

46. *Вош* (NOM), *ше ца1 мел воаг1а, хъалха нани йолча вода* 'Брат, когда (сам) едет домой, вначале заходит к бабушке'.

Средством связи между предикацией главной части и полупредикативной конструкцией (пример 44), часто квалифицируемой в качестве придаточной части в нахском языке, могут служить морфемно-автономные сочетания типа (-ча хана, -ча метте, -ча г1оне, -чул т1ехъаг1а и др.). Квалификация таких конструкций в качестве развернутого члена предложения или придаточной части ингушского сложноподчиненного предложения на первый план выдвигает проблему:

- 1) финитных (инфинитивных и др.) форм предикативного глагола,
- 2) функционирования компонентов парадигмы лица, встроенных в семантическую структуру глагола-предиката;
- 3) склоняемых в прошлом форм глагола;
- 4) интерпретации пласта союзных слов;
- 5) позиции союзного средства по отношению к глаголу-сказуемому.

Выводы. Части сложноподчиненного предложения эргативного ингушского языка, объединенные союзным средством темпоральной семантики (*мас-*

саза 'как только, всякий раз когда') выражают временные отношения. Этимологически союзное слово *массаза* возникло на основе наречия *массаза* 'всегда', образованного в результате слияния в единое слово нескольких сегментов речи (инг. букв. *мас-са-аз-а* 'сколько мое аз 'эго' в пространстве'), демонстрирующие элементы синтетического строя в современном ингушском языке.

Ингушский гипотаксис с придаточным обстоятельственным времени складывается на основе объединения в основном трех типов предикаций простых предложений (номинативных, эргативных, аффективных). Номинативные предикации состоят из номинативных глаголов, исторически в семантическую структуру которых встроено лицо Говорящее в качестве магистральной валентности, морфологически выраженное именительным падежом имени (примеры 7, 15, 19), как и в номинативных языках. Эгоцентричное лицо Говорящее в структуре ингушского языка представляет глубинную понятийную категорию *кхета саг* 'homo sapiens', что дает ему основание претендовать на позицию подлежащего в составе предложения, аналогично номинативным языкам.

Эргативные предикации представляют собой эргативный глагол, в структуру которого диахронически встроено лицо Произносящее, на правах первой валентности, включая и каузативные эргативные глаголы (примеры 22-23), инфинитивно номинативным языкам. Полифункциональный эгоцентрик лицо Произносящее в структуре ингушского языка прототипически представляет понятийную категорию *сакхета саг* 'homo spiritus', т.е. человека-духа, что является основанием претензии эргативного лица на статус ранг первого лица и статус подлежащего в составе предложения.

Аффективные предикации состоят из аффективных глаголов, кодирующих главной валентностью аффективного эгоцентрика (*сона 'я'*), экспонирующего в структуре нахского языка глубинную мыслительную категорию *хоалу саг* 'homo sentiens', т.е. человека-чувственно-воспринимающего, что дает аффективному лицу «право» претендовать на позицию подлежащего в составе элементарного ингушского предложения (примеры 20-21).

Три основных типа предикаций элементарного ингушского предложения могут сочетаться в пределах гипотаксиса, образуя сложную конструкцию с гетерогенными предикациями (примеры 24-33, 40-42).

Сочетание глаголов различных корпусов, в структуру которых магистральной валентностью встроено строго один эгоцентрик первого лица ед. числа (*со 'я', сона 'я', аз 'я'*), сталкивает различные лица парадигмы, генерируя лицо приобретенной семантики, или вариативный семантический субъект-посессив (примеры 34-39).

Модально-временной план однородных конструкций сложного предложения с придаточным обстоятельственным времени обычно совпадает, если они организованы гомогенными глаголами и одним лицом парадигмы, встроенным в их семантическую структуру на правах магистральной валентности.

Интерпретация модально-временного плана глаголов-предикатов ингушского элементарного пред-

ложения (организующих сложные конструкции) с закодированными в их структуре лицами парадигмы относятся к актуальной неразработанной проблеме, синхронно требующей всестороннего исследования. Различные элементы структуры современного эргативного ингушского языка, такие как функция эгоцентрических компонентов парадигмы лица, прототипически участвующих в организации предикации,

деривация союзных слов, демонстрирующая фрагменты синтетического строя языка, вскрывающие доэргативное состояние ингушского языка, на наш взгляд, должны быть исследованы и на материале других эргативных языков, прежде всего нахско-дагестанских.

Литература:

1. Ахиева и др. ХӀанзара гӀалгӀай мотт. – Назрань.1997. – 286 с.
2. Баркинхоева З.М., Хайрова Х. Р. Проблемы синтаксиса ингушского языка. – Назрань, 2007. – 153 с.
3. Гандалоева А.З. ХӀанзара гӀалгӀай мотт. Синтаксис. (Дешара пособи университета студенташта лаьрхӀа). – Назрань. ООО «КЕП». 2018. – 352 с.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // в книге: Язык и культура. – Минск. 2002.
5. Мальсагов З.К. Ингушская грамматика со сборником ингушских слов. – Владикавказ. 1925. – 159 с.
6. Мальсагова Л.Д. Структурно-семантические особенности сложносочиненных предложений открытой структуры в русском и ингушском языках. – В кн.: Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1982. – С. 56-59.
7. Оздоев И.А. К вопросу о сложноподчиненном предложении в ингушском литературном языке. // В кн.: Вопросы вайнахского синтаксиса. Грозный, 1981.
8. Оздоева Ф.Г. Союзы в современном ингушском языке // Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Известия, том X, выпуск 2, языкознание. Чечено-Ингушское книжное издательство. – Грозный. 1975. – С. 223-239.
9. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань. ООО «Кеп», 2017. – 376 с.
10. Халидов А.И. Введение в изучение кавказских языков. – Грозный. 2006. – 480 с.
11. Яковлев Н. Ф. Синтаксис ингушского литературного языка. – М., 2001.- 472 с.